

Д. В. Мосяков¹**СТРАНЫ ВОСТОКА И КРИЗИС
СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Сегодня наиболее развитые страны Востока, участвующие в процессе глобализации, все активнее формулируют собственную повестку дня, выстраивают такую модель жизнеустройства, которая отвечала бы их национальным интересам. Такие страны, как Китай, Индия или Турция, все меньше оглядываются на западные рецепты национального строительства и международной политики и формируют новую реальность исходя из своих традиций, интересов и принципов. Этим они опровергают ключевые положения, сформулированные западными «отцами» современной модели глобализации, о том, что это процесс формирования в странах Востока открытой экономической модели, либерального политического режима, прозрачной культурной позиции. Глубокому сомнению подвергается и то, что распространение западных политических идей и институтов есть универсальное и однозначно положительное явление, а существующий вариант западной глобализации — единственно возможный и безальтернативный. Вариант, что страны Востока смогут в перспективе формулировать и продвигать свои правила глобальной интеграции и свое видение будущего мира на Западе, до последнего времени никогда серьезно не рассматривался.

В странах Востока к модели глобальной интеграции существует двойственное отношение: с одной стороны, возрастающая взаимозависимость наиболее развитых стран Востока и Запада дает участникам глобальных рынков из числа стран Востока огромные возможности в ускорении экономического роста и повышении уровня жизни в национальных сообществах. С другой — модель современной глобализации отражает господство интересов США и стран Запада, которые распространили по всему миру потоки финансового капитала, опутали его разнообразными транснациональными корпорациями (ТНК). Ответом на очевидную и сегодня подчиненность восточных обществ западному диктату и правилам является усиление антизападных тенденций в экономической и общественно-политической жизни в ряде стран Востока, подъем традиционализма, патриотизма и регионализма. Ситуация развивается не совсем так, как предсказывали западные аналитики и желали бы западные политики.

В такой ключевой сфере, как распространение норм либеральной демократии, в странах Востока никакого

заметного движения не отмечается. Более того, не либеральные, а авторитарные по своему устройству режимы с коммунистическими партиями во главе, как, например, в Китае или во Вьетнаме, показывают сегодня наибольшие темпы экономического роста. Их влияние в мире, особенно это касается КНР, растет настолько, что Пекин через некоторое время вполне сможет предложить мировому сообществу свой, а не американский глобализационный проект.

Высокие темпы экономического роста демонстрируют и страны Юго-Восточной Азии, где в той или иной форме господствуют авторитарные режимы — и в Сингапуре, и в Малайзии, и в Таиланде, и в Лаосе, и в Бирме. Причем Сингапур, Малайзия, Таиланд и даже Вьетнам (с единственной руководящей силой — Компартией страны) интегрируются в проект глобализации, практически не меняя политические и идеологические основы своего устройства. Если к этим странам добавить еще и Турцию, где установился авторитарный режим Т. Эрдогана, то вывод о том, что для участия в глобализационном проекте странам Востока необходимо формировать либеральную политическую систему, оказывается ошибочным. Страны Востока показывают, что на самом деле форма и характер правящего режима для интеграции в глобальные рынки особого значения не имеют. Значение имеет то, достаточно ли эффективна политика правящего режима и насколько благоприятные условия для притока и вывоза капитала он способен создать.

Еще одним примером особенности участия стран Востока в глобализации может служить ситуация с заимствованием и аккультурацией западных культурных стереотипов в восточных социумах. Турция, которая, несомненно, является одним из интегрированных членов глобальной семьи, сегодня все решительнее движется не по пути укрепления основ светского государства, а скорее возрождает исламизм как государственную идеологию, жестко выступает с критикой культурных стереотипов, приходящих с Запада. В этой стране авторитарный политический режим, ориентированный на сближение с Европой, превратился в режим, направленный на пантюркизм и культурную интеграцию в исламский мир. При этом архаизация системы образования и даже способа мышления, которые все больше возвращаются в религиозные рамки ислама, не мешает Турции показывать высокие темпы экономического роста и позволяет без серьезных проблем интегрироваться в глобальные рынки.

Усиление тенденций традиционализма и регионализма отчетливо просматривается в Индии, странах Юго-Восточной Азии, вполне интегрированных в глобальные рынки. В большинстве стран Востока западный стиль жизни распространяется и доминирует в довольно узких, преимущественно городских, социальных стратах, так или иначе задействованных в глобальной интеграции. Они могут быть влиятель-

¹ Руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, профессор. Заведующий кафедрой регионоведения Московского гуманитарного университета. Автор более 150 научных публикации, в т. ч. монографий: «Социально-политическое развитие Камбоджи в XX веке. Деревня и власть», «История Юго-Восточной Азии», «Юго-Восточная Азия: проблемы формирования цивилизационной общности», «История Камбоджи. XX век», «Политика Китая в Юго-Восточной Азии в прошлом и настоящем» и др. Организатор проекта «Мониторинг современной истории стран Юго-Восточной Азии», читает учебные курсы в Казанском государственном университете, Йельском университете (США), Университете Хосэй (Япония) и др. Член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня».

ны и активны, но численно на порядки уступают сегодня очень активным в восточных социумах традиционалистским силам. Во многих странах даже возникает определенное противоречие между настроениями наиболее успешной части городских слоев мегаполисов и подавляющего большинства сельского и городского населения, что угрожает стабильности глобализационного вектора их национального развития. Из всего этого следует, что принятие восточными социумами западного образа, стиля и атрибутов жизни не является значимой предпосылкой для участия в процессе глобализации. В этот проект успешно интегрируются восточные общества, ориентированные в целом на сохранение традиционных ценностей. Достаточно только того, чтобы в них существовала небольшая по численности, принявшая западные ценности социальная страта, которая и выступает посредником глобального рынка.

Как видим, в настоящее время в странах Востока глобализация не является таким всеохватывающим и сложным процессом, каким была в свое время модернизация. В рамках длительного и противоречивого процесса модернизации происходили глубокие перемены во всех сферах жизни общества — в способе мышления, образовании, стандартах жизни, политических и культурных идеях, системе политической и экономической власти. Причем процесс перемен затрагивал и широкие слои населения, и правящие, и интеллектуальные, и бизнес-элиты. В глобализации такого размаха перемен и близко нет. Перемены в странах Востока носят социально узкий и, можно сказать, прикладной характер. Во многих из них сегодня можно видеть такую картину: стоят суперсовременные предприятия, связанные с глобальным рынком, а рядом крестьянин мотыгой обрабатывает веками принадлежавший ему земельный участок. Подобная ситуация ведет к несбалансированности национального развития, подрывает интерес к глобализации.

Правящие элиты большинства стран Востока уже не скрывают своего недовольства существующей моделью глобализации и готовности участвовать в ней только до тех пор, пока это будет выгодно их государствам. Любой кризис или снижение позитива от глобальной взаимозависимости может легко разрушить ориентированный на интересы США экономический механизм. Альтернативой ему многие рассматривают стремительно растущий и в Юго-Восточной Азии, и на Ближнем и Среднем Востоке, да и в Восточной Азии регионализм.

Такая перспектива вполне возможна, так как большинство ТНК доминируют в международном пространстве, а на национальном уровне их интересы отнюдь не решающие: в наиболее успешных странах Востока преобладает экономика национальная, причем чаще всего основанная не на господстве частных акционерных обществ, а на смешанном государственно-частном партнерстве. В Сингапуре, Турции, Южной Корее, Китае и Вьетнаме, да и в Японии роль государства в экономике несравнимо более значима, чем в США. В связи с этим можно утверждать, что на Востоке отдельные элементы социалистической модели

модернизации остаются актуальными и поныне, более того, даже если не брать Китай и Вьетнам, а взять, например, Сингапур и Южную Корею, то и там влияние идеологии социализма проявляется вполне явно. Ведь и Ли Куан Ю, создавший современный Сингапур, начинал свою карьеру как левый политик, адвокат рабочих профсоюзов и был долгое время очень близок с коммунистами и социалистами, а Пак Чжон Хи — «отец корейского экономического чуда», в молодости вообще являлся членом Компартии Кореи.

Их знакомство с социализмом позволило им нащупать наиболее успешную модель развития, когда национальная экономика развивается не столько как частная, сколько как смешанная, с огромной долей государственно-частного партнерства, где решающее слово всегда за государством. Именно такая экономика и в Китае, и в Южной Корее, и в Индии, и в Турции, и в Сингапуре — это основа формирования национального ВВП и главный источник национального экспорта. Несмотря на регулярно повторяющиеся попытки отдельных прозападных либеральных политиков разрушить госсектор или сделать его незначительным, его предприятия продолжают и сегодня выступать в качестве ядра национального развития. Для правящих элит во многих странах Востока представление о сильном государстве стойко связано с сильным госсектором, который создает иллюзию их потенциальной независимости.

Следует сказать, что особняком среди наиболее развитых и влиятельных стран Востока стоит Иран. Эта страна не только не интегрировалась в глобальный рынок, но даже целый набор наложенных на нее западных санкций и ограничений не помешал ей превратиться в одного из политических гегемонов Ближнего и Среднего Востока. Опыт Ирана свидетельствует о том, что в современном мире, чтобы быть сильным, необязательно участвовать в глобализационном проекте, что глобализация и национальная мощь суть разные понятия и можно быть сильным в мире и без интеграции в глобальную экономику.

В связи с вышесказанным можно отметить, что перспективы современной модели глобализации сегодня уже не представляются столь беспорядными, как раньше. По крайней мере на Востоке правящие элиты во многих странах все чаще задают вопросы о том, где начинается национальный суверенитет, где находятся главные центры существующей политико-экономической системы, впрочем, как и штаб-квартиры ТНК, и насколько их интересы совпадают с интересами национальных государств. Складывается впечатление, что правящие элиты стран Востока уже сейчас реально ищут альтернативу глобализации и ограничивают свое участие в ней чисто экономической выгодой. Все остальное, что связано с современной моделью этого процесса, все больше рассматривается как непосредственная угроза суверенитету и решительно отвергается. Такие настроения господствуют сегодня везде — от Турции до стран Юго-Восточной Азии.

Может быть, в связи с этим в последнее время можно наблюдать определенное замедление процесса глобализации, которая пока не способна не только охва-

тить бóльшую часть населения планеты, но и сформировать прочный, устроенный на международном праве мир. И хотя существует точка зрения, что глобализация — это не одномерный процесс, как по времени, так и по своему внутреннему содержанию, что по времени он дискретен, то есть периоды ускорения глобальной интеграции перемежаются с периодами долгого застоя, факт остается фактом: в последние годы мы наблюдаем нарастание проблем в продвижении этого процесса. Причин называется множество: от влияния глобального экономического кризиса 2008 года до новых политических рисков, связанных с усилением в странах Востока национализма, традиционализма и регионализма. Но главная причина все-таки кроется в другом: в Вашингтоне явно не удовлетворены тем, что происходит на Востоке, где быстро растут вызовы американскому доминированию.

У сформулированной на Западе модели глобализации оказался существенный дефект — отсутствие реальных механизмов политического давления и контроля за внутренними процессами в странах Востока. То, что было в эпоху модернизации, отсутствует в эпоху глобализации. В результате вместо блока либеральных прозападных режимов, тянувшихся к США, там укрепились политические режимы авторитарного и полуавторитарного толка, ориентированные на защиту национальных интересов, бросающие вызов США. Поэтому в Вашингтоне уже не так активно ратуют за глобализацию и, скорее наоборот, стремятся

спровоцировать в ключевых регионах Востока новые конфликты, чтобы подорвать процесс национализации и регионализации как наиболее опасную альтернативу глобальному господству.

Подводя итог, можно сделать вполне определенный вывод о том, что западная концепция глобализации и реальные процессы в странах Востока по ключевым позициям сильно расходятся друг с другом. И если проанализировать вектор их современного развития, то это расхождение имеет явную тенденцию к увеличению. Страны Востока слишком разнообразны, самобытны и независимы и во все большей степени сами определяют не только свою судьбу, но и вектор развития глобального мира. Сегодня мы в некотором смысле находимся на переломе глобальной тенденции, когда Запад уже не может диктовать свои правила и принципы глобальных интеграционных процессов. Все большую роль здесь играют страны Востока. В рамках модернизации они сумели аккультурировать и интегрировать в национальную культуру очень многое из опыта и культуры стран Запада. В то же время они сохранили испытанный веками взгляд на мир, традиционные быт и культуру, систему принципов и приоритетов. Этот культурный синтез сформировал ядро новых представлений, отношений и взглядов, придавших странам Востока мощный импульс к развитию. Сегодня многие из них достигли глобальной мощи и влияния и, вполне вероятно, в скором времени смогут предложить свой вариант развития мира.